

Нередко одна и та же реплика усваивается летописцем разным лицам. Так, например, киевляне говорят Изяславу Мстиславичу: „не можем на Володимире племя руки възняти“ (стр. 243), но то же самое говорят у него и куряне сыну Изяслава Мстиславу: „на Володимире племя на Гюргевича не можем руки подъяти“ (стр. 250); рассказ об отказе киевлян присоединиться к походу Изяслава на Юрия Долгорукого и рассказ под тем же 1147 г. об отказе курян выступить против Глеба Юрьевича принадлежат одному и тому же автору: отсюда, конечно, и это совпадение. Сюда же, как кажется, должны быть отнесены и случаи, когда прямая речь частично дублирует косвенную: „Всеволод же пришед в Киев разболися, и бысть велми болен... призва к собе кыяне и нача молвити: „Аз есмь велми болен, а се вы брат мой Игорь...“ (стр. 229); — или представляет собою краткий пересказ косвенной речи. Примером такого пересказа может служить речь Изяслава Мстиславича к брату Ростиславу под 1148 г., переданная последнему через посла: „Брате! Являю ти, на Олговичи есми ходил к Чернигову и на Олгове поли есми стоял, и много есмь им зла учинил, землю их повоевал есмь, и ту ко мне не възмогоса выйти биться полком; и отуду идохом к Любчю, и ту к нам приехаща, и разииде ны с ними река, и нельзе бы ны ся с ними тою рекою биться полком, и на ту ночь бысть дождь велик и бе на Днепре лед лих, того дея поидохом на ону сторону...“ (стр. 255); речь эта — сокращенный вариант рассказа о походе Изяслава на Чернигов, читающийся несколько выше (стр. 254); из рассказа в нее попали даже отдельные словосочетания, воспроизведенные здесь почти буквально: „и пришед ста на Олгове поли“, „и нельзе бы ему их полком доехати тою рекою“, „и бысть на ту ночь дождь велик велми“. Или — под 1157 г. речь Юрия Долгорукого Владимиру Андреевичу: „Сыну! Яз есмь с твоим отцем, а с своим братом Андреем, хрест целовал на том, яко кто ся наю останеть, то тый будеть обоим детем отець и волость удержати, а потом к тебе хрест целовал есмь имети тя сыном себе и Володимиря ти искати; ныне же, сыну, аче ти есмь Володимиря не добыл, а се ти волость“ (стр. 335); — речь Юрия почти дословно дублирует соответствующий рассказ летописца под тем же годом: „... Гюрги же Володимиря не себе искашеть, но целовал бяшеть хрест к брату своему Андрееви, в животе и еще, яко по животе его волость удержати сынови его, а потом к Володимеру к Андреевичю хрест целова, яко искати ему Володимиря“ (стр. 334).

Речи специально сочиненные, „литературные“ — достояние не рассказа, а повести. Но встречаются они и в летописном рассказе, правда, очень редко. Такова, например, речь, которую летописец, сторонник династии Мстислава, киевлянин, вложил под 1139 г. в уста черниговцам: „Ты надешися бежати в Половце, — будто бы сказали они Всеволоду Ольговичу, — а волость свою погубиши: то к чему ся опять воротишь? Лучше того останися високоумья своего и проси си мира; мы бо ведаем милое сердце Ярополче, яко не радуется кровипролитью, но бога ради възхошеть мира, ть бо съблюдаеть землю Русьскую“ (стр. 216). Этот елейный пане-